

ГРОЗНОЕ и тревожное, как набат, слово «война», прозвучавшее более тридцати лет назад, эхом разнеслось по всей земле нашей, приводя в движение массы людей, изменив миллионы судеб. И сколько бы ни отделил нас годы от этого чрезвычайного события, они не в состоянии вычеркнуть из памяти грозные и героические эпизоды, навечно вписанные в историю. Вот почему писатели довольно часто избирают темой своих произведений жизнь половины четвертого десятилетия нашего века.

Три повести, собранные в одну книгу, выпустило Кемеровское областное книжное издательство. Все три — о войне.

Не только тематика роднит авторов. И «Высокая грива» В. Махалова, и «Не оглядывайся, сынок!» О. Павловского, и «Какая-то станция» А. Соболева едины в главном: в способе изображения героического, которое выступает здесь как всеобщее состояние духа советских людей.

Определяющим качеством повестей кузбасских прозаиков, на мой взгляд, является соединение своеобразия каждого с опытом литературы последних десятилетий. Руководствуясь общим, они ищут неповторимое художественное решение.

ВАЛЕНТИН Махалов обратился к прозе, напечатав несколько поэтических сборников. Случайно ли это? Думаю, нет. Дело в том, что стихотворный язык специфичен, требует либо взрыв всей стиховой системы, либо выход в иной жанр.

Действие повести, начавшееся еще в довоенные годы, захватывает лишь начальный период войны — в далекой от линии фронта, затерявшейся где-то в верховьях Волги небольшой деревушке Дубовке. Возраст лирического героя, от имени которого ведется повествование, почти на десять лет превышает авторский в начале войны, хотя, несомненно, многие детские и юношеские впечатления писателя, имеющие биографическую основу, вошли в книгу.

Трагический сюжет «Высокой гривы» не становится двигателем повести. Свободно передвигая временные планы, автор почти в самом начале сообщает нам о гибели главного героя Пяньки. Только затем, как бы раскручивая пружину действия в обратном направлении, писатель живописует характер любимого персонажа. Образ Пяньки рождается перед читателем не сразу, не вдруг. С самого раннего отрочества испытавший много лишений, Павел Рохимистров воспитывает в себе мужество. Обостренное чувство общественного долга заставляет его вступить в единборство с Горбачем, рвущимся к колхозное имущество. Столкновение Пяньки и Горбача осложняется тем, что Пянька любит горбачевскую дочь Тосю. Но ни на минуту

глубоко интимное личное не заставит героя пойти на компромисс с совестью, забыть об окружающих его людях, о колхозе.

При беглом прочтении может показаться, что движение событий лишено цельности и связности: довольно большие временные промежутки, остающиеся за рамками повествования, действительно несколько затрудняют восприятие общей картины. Однако подобная композиция,

порывиста. Металлический скрежет войны пронизывает ее, оставляя следы не только на языке, но и на всем характере авторского мышления.

Но и в суровую солдатскую долю проникает теплое дыхание жизни. Оно чувствуется и в коротком по времени, оставившем глубокий след в душе свидании с любимой девушкой Валей перед отправкой на фронт, и в светлых

тальным интерес к натуралистическим деталям нарушает законы художественной перспективы: броско выписанные черты заднего плана могут заслонить то, что по праву находится на переднем. Впрочем этот недостаток присутствует здесь в меньшей степени, чем в некоторых других произведениях О. Павловского.

КАКАЯ-ТО станция Анатолия Соболева завершает этот своеобразный цикл. Если герои Павловского едут от берегов Ледовитого океана на юг, то в новой повести Вася — основной объект авторского внимания — попадает из степей Алтая на Северный флот.

Четыре года войны стали порой возмужания для целого поколения, родившегося в середине двадцатых годов. Поэтому авторы сборника, освещая важнейшую тему, неизбежно сталкиваются с рядом схожих нравственных проблем.

Отказавшись от лирической тональности, от острых поворотов фабулы, А. Соболев пытается воссоздать как можно более достоверно картину военного быта. Четверка волазов во главе со старшиной Суптеля в одном из северных поселков выполняет важное задание — вытаскивает из-под воды древесину, необходимую для изготовления автоматов.

Большое место в повести А. Соболева занимает и описание жизни небольшого поселка, в котором осталось «то «все» четыре мужика». Писатель, безусловно, обладает способностью постепенно раскрывать особенное в каждом, даже самом неприметном человеке. Женщины в «Какой-то станции» — Дарья, Фрося, Тоня и ее мать, — совершенно непохожие друг на друга, живут и действуют в произведении как полнокровные, запоминающиеся читателю фигуры.

Большое значение для понимания гуманистической концепции автора имеют образы детей, написанные с нежностью и симпатией. Вместе со взрослыми они стойко переносят трудности. Общение с детьми, как убедительно показывает А. Соболев, — источник вечного обретения новых нравственных качеств. Через отношения с малышами и подростками раскрывается многое в основных персонажах повести.

Станция, около которой находится поселок, так и остается безымянной в сознании главного героя, но суть не в этом. В жизни любого человека есть станция, минутная остановка перед вездом в большой и тревожный мир.

Итак, написаны три повести о войне. Хочется верить, что они станут заметными не только в кузбасской прозе.

Ю. ШАТИН,
преподаватель кафедры литературы
Новокузнецкого педагогического института.

г. Новокузнецк.

● Издано в Кемерове

ТРИ ПОВЕСТИ О ВОЙНЕ

которая подает все происходящее как наплывы воспоминаний рассказчика, имеет неоспоримые преимущества. Ведь именно благодаря такому построению автору удается свести в единую галерею портреты различных людей, подчас не выступающих участниками основного конфликта. Характеры бабки Полихи, кузнеца Дениса, цыганки Зары, деда Мокея выписаны глубоко, своеобразно и интересно...

В. Махалов умело показал процесс объединения людей в тот самый момент, когда инстинкт самосохранения должен был бы вроде ожесточить, озлобить их друг против друга. Отрывая от себя посыл ледяной кусок, деревенские бабы несут теплые картофельные лепешки бездомному поляку. И лишь отцепенцы, подобные Горбачу, идут вразрез с общими устремлениями народа, становясь его злейшими врагами. Как итог раздумий, звучат слова лирического героя повести «Я хорошо понимаю теперь последнюю Пянькину правоту. Горбач не захотел быть там, побежал от войны, спасая шкуру, и сразу стал нашим врагом».

«Высокая грива» — произведение лирическое, лирическое хотя бы потому, что роль природы не сводится в нем к украшению повествования. Во всех случаях она одухотворена человеком, его внутренним миром. Пейзаж у В. Махалова деятелен от начала до конца, но в то же время он подчинен главной мысли произведения — воспеванию цельности человека, рождающей героическое в нем.

ВОТЛИЧИЕ от лирической стихии, объединяющей плавающие течения мысли в «Высокой гриве», повесть О. Павловского напряженна и

воспоминаниях главного персонажа повести о своих друзьях, и в минутных передышках между учениями.

Хронологически события, которым посвящена новая работа О. Павловского, совпадают со вторым периодом войны, когда неизбежность победы над фашизмом ощущалась все острее. Две почти равные части повести рассказывают о двух периодах жизни молодых солдат — дофронтном и фронтном. Если вначале семнадцатилетние ребята мечтают о сражениях, то в конце произведения всякий, кто не погиб от вражеской пули, выходит из боев приобретшим воинский и определенный нравственный опыт.

Читая повесть О. Павловского, понимаешь, что все, о чем он пишет, прошло через его жизнь. Временами этот биографизм придает изображаемому почти документальный характер, и, тем не менее, совершенно очевидно, что «Не оглядывайся, сынок!» — вовсе не мемуары о войне, но полноценное художественное произведение. Интересен не только главный герой, но и окружающие его товарищи. С любовью и мягким юмором создан образ Васи Пушкина, вечного неудачника, получающего каждый день «наряды вне очереди». Резкими, выразительными штрихами, предельно лаконично показывает писатель гибель общего любимца солдат — Юрки Кононова.

«Не оглядывайся, сынок!» — удача Олега Павловского. Но хотелось бы сделать автору один серьезный упрек. Внося свой вклад в создание героической хроники военных лет и опасаясь, очевидно, идеализации, прозаик изобретает некий противовес в виде откровенно физиологического солдатского быта. Но прис-